

Лекманов Олег Андершанович (Москва, доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ: lekmanov <lekmanov@mail.ru>). Четыре эссе-миниатюры: 1) Стихотворение «На смерть Жукова»: конспект разбора. 2) «Всадница матраца»: об одном образе в одном несправедливом стихотворении И. Бродского; 3) Загадка стихотворения Иосифа Бродского «Одному тирану» (1972 г.); 4) Еще раз о «Рождественском романсе» Иосифа Бродского

1) Стихотворение «На смерть Жукова» (1974): конспект разбора¹

Вижу колонны замерших звуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалиях убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо в опале,
как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.

---

¹ По совести говоря, эта заметка должна быть подписана несколькими именами, поскольку вся она — плод коллективного мозгового штурма, предпринятого в рамках моего спецсеминара «Медленное чтение текста» (РГГУ). Любопытствующих снабжаю ссылкой: http://community.livejournal.com/medlennoe_chten/751.html?nc=37. О стихотворении Бродского, помимо работ, называемых в заметке см. еще: Лотман 2002.

Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же, прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.

В первой строфе этого стихотворения описываются похороны Г. К. Жукова, умершего 18 июня 1974 года и похороненного 22 июня (символическая дата) в Кремлевской стене. Как минимум, две детали описываемых и реальных похорон² не совпадают: во-первых, отсутствовал *«лошади круп»* (лафет был прицеплен к бронетранспортеру)³; во-вторых, никто не мог видеть *«в регалиях убранный труп»* — маршал был кремирован, по слухам — вопреки воле семьи. По-видимому, Бродский (находившийся в это время на поэтическом фестивале в Роттердаме) взял на себя задачу написать «государственное» стихотворение вместо официальной советской печати. Он подправил саму жизнь и изобразил похороны Жукова не так, как они проходили, а как они проходили бы в идеале. *«Вообще-то я считаю, что это стихотворение в свое время должны были напечатать в газете “Правда”»* (Из беседы с Соломоном Волковым) [Волков 1998: 54]. Поэт не слышит *«звуков»*, сопровождающих похороны (судя по всему, он смотрит репортаж о них по голландскому TV) и заполняет «государственную» тишину *«звуками»* своего стихотворения. «Переписывание» в стихотворении похорон маршала ведет к переосмыслению уже в первой строфе советских газетных штампов, например, эпитета *«пламенный»* (ср., название книжной серии «Пламенные революционеры» издательства политической литературы СССР). У Бродского эпитет *«пламенный»*, во-первых, намекает на кремацию Жукова, особенно, в соседстве с визуально выразительным *«в смерть уезжает»*; во-вторых, начинает важную для всего текста «адскую» тему. Сходным образом, *«убранный»* (труп) в первой строфе, это, вероятно, не только дань газетной

---

² Кинофрагмент хроники с похорон Жукова можно найти в Интернете: http://www.youtube.com/watch?v=cbMiyBkWnO4&feature=player_embedded.

³ Может быть, *«лошади круп»* был перенесен в стихотворение Бродского с военной «одической» картины Веласкеса «Капитуляция Бреды»?

риторике («В траурном **убранстве** Краснознаменный зал, где среди живых цветов на высоком постаменте установлен гроб с телом покойного маршала» [Правда 1974, 21 июня: 3]), но и скрытое указание на идиому «убрать с глаз долой». Самая же откровенная замена первой строфы — это абсолютно невозможный в газетах той поры эпитет «русских» при «*труб*» (вместо «советских»)⁴.

Во второй строфе игра с советскими клише продолжается. Здесь возникает один из главных символов поверженного Берлина мая 1945 года — «*стёны*» (Рейхстага), которые «*пали*» (ср., например, растиражированную кинохронику этого времени). Но из-за соседства с античными именами⁵, завершающими строфу, на «*стены*» Рейхстага падает тень от разрушенных стен Карфагена и Трои. Формула «*меч был вражьих тупей*» провоцирует вспомнить о «русской античности», с пропагандистскими целями преображенной С. Эйзенштейном, а, именно, о лозунге Александра Невского из одноименного фильма: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Упоминание «о Ганнибале» «*среди волжских степей*»: а). открыто начинает античную тему стихотворения; б). скрыто вводит тему Суворова и его перехода через Альпы; в). задает важное для последующих строф противопоставление возвышенности (Альпы) и плоскости («*степей*»); г). перекладывает на язык оды советское общее место (Сталинград); д). подталкивает читателя вольно или невольно вспомнить о правнуке «другого» Ганнибала⁶. Последнее важно, поскольку в финале строфы Бродский сопоставляет с судьбой опального маршала собственный удел, но не прямо, а через не прямое сравнение с (пушкинским) Овидием. Кроме того, заключительные строки второй строфы исправляют ложь официального мифа о Жукове (в газетных советских некрологах о его опале, разумеется, не говорилось ни слова). Характеристика «*глухо*» продолжает тему отсутствия звуков, начатую в первой строфе⁷; имя «*Помпей*» (ср. по ассоциации — «Последний день Помпеи») — цепочку «огненных» образов.

Третья строфа стихотворения — самая парадоксальная, она выпадает из традиции не только газетного некролога, но и торжественной оды (об этом подробнее см., например: Крепс 1984). Продолжается игра с пространством: вопреки иудео-христианской традиции,

---

⁴ Относительно еще одного штампа первой строфы («*колонны замерших внуков*») на нашем спецсеминаре было высказано не нашедшее всеобщего сочувствия остроумное предположение: не подразумевается ли тут чеховский внук Ванька Жуков? Тогда бы в роли дедушки парадоксальным образом выступал... сам Бродский (ср. «*Ветер сюда не доносит мне звуков*» - письмо «на деревню, дедушке»).

⁵ О Помпее Бродский, вероятно, узнал из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха; о Велизарии — из оперы Доницетти «Велизарий».

⁶ Не содержится ли в строках Бродского о полководце «*среди волжских степей*» еще и намек на усмирение Суворовым пугачевского бунта (ср. роль Жукова в венгерских событиях) и через это — указания на Державина, принимавшего участие в антипугачевской кампании?

⁷ Ср. еще, конечно, знаменитое в знаменитых «Письмах римскому другу» Бродского: «*Если выпало в Империи родиться, // лучше жить в глухой провинции у моря*».

согласно которой воины, павшие в правом бою переносятся в рай, маршал и его солдаты оказываются в «адской области» (вновь перелицовывается советский штамп «такая-то область» — «адская область»). Сюда же — многозначное слово «провал» — провал в памяти, но и провал-бездна. Строфа выделена и грамматически — до нее большинство глаголов употреблялось в настоящем времени; после нее — в будущем. В финале строфы прорывается звуковая блокада — Жуков подает реплику.

И после этой реплики все резко меняется. Оказывается, погружение Жукова в ад в третьей строфе стихотворения предпринималось едва ли не для того, чтобы в четвертой строфе вытянуть маршала из «адской бездны» и вознести чуть ли не в рай. Сигнал этого пространственного перемещения — торжественное «десницы», с очевидным обыгрыванием двух значений — правая рука и «правое дело». Формула «правое дело», как известно, была превращена в военный лозунг-штамп Сталиным: «Наше дело правое, мы победим!» В заключительных строках четвертой строфы не просто продолжает корректироваться официальная биография маршала, но и сам он возвращается в правильный («правый») «солдатский» контекст: из «штатской, белой кровати» (предыдущая строфа) перемещается в «пехотный строй».

Всё это готовит многократно отмеченную прямую отсылку в пятой строфе к державинскому «Снегирю»⁸ (и к последнему державинскому стихотворению «Река времён в своем стремлении...»). Подношение Бродского опальному маршалу оказывается вписанным в традицию оды державинского типа, с ее резкими стилистическими и интонационными контрастами. Вот и в зачине пятой строфы нашего стихотворения античная и торжественная «Лета» соседствует с позаимствованными из блатного словаря «прахорями», то есть — сапогами (вероятно, с еще одним намеком на кремацию — прахоря/прах). Звуки нарастают — выясняется, что автор свою оду произносил («вслух говоря»), а далее бьет «барабан»⁹ и свистит «военная флейта». Если на реальных похоронах Жукова «траурный марш» в итоге сменился «величественной мелодией Государственного гимна Советского Союза» [Правда 1974, 21 июня: 3], у Бродского в финале — неизбежный советский гимн заменился русским военным траурным маршем.

Виницкий 1992 — *Виницкий И.* Отщепенец пишет оду маршалу // Учительская газета. 1992. № 7.

Волков 1998 — *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.

---

⁸ См., например: Виницкий 1992: 23 и др.

⁹ Ср. в стихотворении Цветаевой «Нет, бил барабан перед смутным полком...», а также в стихотворении самого Бродского «1972 год»: «Бей в барабан о своем доверии к ножницам...» и т. д.

Крепс 1984 — *Крепс М.* О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor: Ardis, 1984.

Лотман 2002 — *Лотман М.* На смерть Жукова (1974) // Как работает стихотворение Бродского. М., 2002.

2) «ВСАДНИЦА МАТРАЦА»:

ОБ ОДНОМ ОБРАЗЕ В ОДНОМ НЕСПРАВЕДЛИВОМ СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО

Пастернак «забежал к нам в Фурманов переулок
посмотреть, как мы устроились в новой квартире. Прощаясь,
долго топтался и гудел в передней. “Ну, вот, теперь и квартира
есть — можно писать стихи”, — сказал он, уходя. “Ты слышала,
что он сказал?” О. М. был в ярости...»

Надежда Мандельштам. «Воспоминания».

В 1994 году Иосиф Бродский разразился яростным стихотворением «Письмо в оазис»:

Не надо обо мне. Не надо ни о ком.
Забиться о себе, о всаднице матраца.
Я был не лишним ртом, но лишним языком,
подспудным грызуном словарного запаса.

Теперь в твоих глазах амбарного кота,
хранившего зерно от порчи и урона,
читается печаль, дремавшая тогда,
когда за мной гналась секира фараона.

С чего бы это вдруг? Серебряный висок?
Оскомина во рту от сладостей восточных?
Потусторонний звук? Но то шуршит песок,
пустыни талисман, в моих часах песочных.

Помол его жесток, крупницы — тяжелы,
и кости в нем белей, чем просто перемыты.
Но лучше грызть его, чем губы от жары

облизывать в тени осевшей пирамиды.

О своей вполне предсказуемой и адекватной реакции на это «Письмо» его адресат рассказал в мемуарах: «Я опешил: что за всадница матраса? Как не стыдно? “Это из Пастернака! — сказал он, — поверь, я не хотел никого обидеть”».

Зачем Бродскому в данном случае понадобилось цитировать Пастернака? Цель нижеследующей короткой комментаторской заметки — ответить на этот вопрос¹.

Прежде всего, процитируем здесь еще один фрагмент из мемуаров обруганного адресата послания Бродского. В этом фрагменте воспроизводится реплика Бродского, раскрывающая главную причину создания «Письма в оазис»: «— А что ты написал в своем “Аполлоне в снегу” о моем словаре? — спросил он».

Теперь приведем соответствующий фрагмент из книги статей и стихов «Аполлон в снегу»: поэтический словарь Бродского «нередко оказывается чрезмерно “современным”: “блзнит”, “жлоблюсь о Господе”, “кладу на мысль о камуфляже”, “это мне, как серпом по яйцам” и т. п. <...> Зрелый Пастернак стеснялся некоторых невинных речевых излишеств и смысловой невнятицы в своих ранних стихах: кое-что он переделал в них, увы, напрасно. Рискну оказаться плохим пророком, но выскажу предположение, что у Бродского в ближайшем будущем появится сходное поползновение. И хотя у него будет, на мой взгляд, больше оснований для такого вмешательства в свои прежние стихи, чем у Пастернака, призывать его к этому я бы все-таки не стал, так как понимаю, что стояло за этими словесными срывами, какое смешение высокого и низкого, какая гремучая смесь была задумана и пущена в оборот».¹

Как отреагировал Бродский на это суждение? Он демонстративно восстановил в правах едва ли не самую рискованную формулу из как раз того отрывка стихотворной повести Бориса Пастернака «Спекторский», от которого Борис Леонидович отказался в 1931 году, готовя свою повесть к выходу отдельным изданием и опубликованного в знаменитом пастернаковском однотомнике 1961 года.¹ Отрывка, откровенно изображающего любовный порыв героя и героини:

Когда ж потом трепещущую самку
Раздел горячий ветер двух кистей,
И сердца два качнулись ямка в ямку,
И в перекрестный стук грудных костей

Вмешалось два осатанелых вала,

И, задыхаясь, собственная грудь
Ей голову едва не оторвала
В стремленьи шеи любящим свернуть,

И страсть устала гривою бросаться,
И обожанья бурное русло
Измученную всадницу матраца
Уже по стержню выпрямив несло,

По-прежнему ее, как и в начале,
Уже почти остывшую как труп,
Движенья губ каких-то восхищали,
К стыду прегорько прикушенных губ.

В переводе с поэтического языка на русский жест Бродского означает приблизительно следующее: я не только не собираюсь вмешиваться в свои ранние стихи и исправлять в них грубости и вульгаризмы, но и Пастернака в обиду не дам. Поэтому, «не надо» не только «обо мне», но и о нем, и «ни о ком». А далее — по тексту «Письма в оазис».

Дополнительную волну гнева в будущем авторе «Письма в оазис», по-видимому, должно было поднять предположение будущего адресата этого «Письма» о том, что «у Бродского в ближайшем будущем появится» «поползновение» переделывать свои ранние стихи. Ведь еще в конце 1970-х—начале 1980-х гг., Бродский следующим образом ответил на вопрос Соломона Волкова: «Исправляете ли вы собственные тексты?»¹: «...я просто не в состоянии перечитывать свои стихи. Просто физически терпеть не могу того, что сочинил прежде, и вообще стараюсь к этому не притрагиваться. Просто глаз отталкивается. То есть я даже не в состоянии дочитать стихотворение до конца <...> Я думаю, что за всю свою жизнь я перечитал старые свои стихи менее одного раза. Что касается “окончательной” редакции... Не думаю, что я когда-нибудь этим займусь. По одной простой причине: забот у меня и так хватает. Более того, когда видишь, что человек занялся ревизиями своих ранних опусов, всегда думаешь: “не писалось ему в тот момент, что ли?” В ту минуту, когда мне не пишется, я настолько нехорошо себя чувствую, что заниматься саморедактированием — просто не приходит в голову».

В своей предыдущей реплике Бродский оценил изменения, «которые на склоне лет вносил в свои ранние произведения Пастернак» как «прискорбные»: «То, что он этим занялся, заслуживает всяческого сожаления. Почти без исключения».

По существу затронутого автором «Аполлона в снегу» вопроса о «стеснительности» позднего Пастернака, остается добавить следующее: если не в лирике, то в ролевых репликах романа «Доктор Живаго» Борис Леонидович отнюдь не избегал чрезмерно «современного» словаря и «словесных срывов». Приведем тут лишь несколько характерных примеров из романа: «сволочь» (с. 158), «мы им рога обломаем» (с. 159), «продавленная кушетка» [о женщине] (с. 159), «ах ты шлюха, ах ты задрепа» (с. 182), «из канавы рожденная, в подворотне венчанная, крысой забрюхатела, ежом разродилась» (с. 182).

3) ЗАГАДКА СТИХОТВОРЕНИЯ ИОСИФА БРОДСКОГО «ОДНОМУ ТИРАНУ» (ЯНВАРЬ, 1972)¹

Загадка, собственно, такая: о каком конкретно государственном деятеле идет речь в стихотворении? Заместителем чьего имени служит местоимение «он», настойчиво, пять раз, повторенное в тексте?

Поскольку читатель пытается разрешить загадку поэта, последовательно накапливая «подсказки», то есть, знакомясь со стихотворением — строка за строкой — нам представляется плодотворным попытаться повторить этот путь, не слишком торопясь с выводами, не стремясь поскорее огласить предполагаемую отгадку.

1.

Первая неожиданность поджидает нас уже при соотнесении названия стихотворения Бродского со всем его текстом. Прямое обращение к тирану в заглавии ясно подсказывает читателю, что дальше ему предстоит встреча с почтенным жанром гражданского послания, может быть, в духе эталонного державинского стихотворения «Властителям и судиям»:

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

и проч.¹

Однако жанровые ожидания читателя не оправдываются. Ни одного прямого обращения к тирану в тексте он не находит. Почему? К этому вопросу мы еще вернемся, а пока начнем разговор о первой строфе стихотворения:

Он здесь бывал: еще не в галифе –
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегдатаев кафе
покончив позже с мировой культурой,
он этим как бы отомстил (не им,
но Времени) за бедность, униженья,
за скверный кофе, скуку и сраженья
в двадцать одно, проигранные им.

Кажется совершенно очевидным, что любой русскоязычный читатель образца января 1972 года (а для такого читателя стихотворение Бродского и предназначалось), с неизбежностью воспринимал близкое соседство существительных «тирану» (в заглавии) и «галифе» (в первой строке) как прямое указание на Сталина. Возникшую ассоциацию подкреплял эпитет «сдержанный» во второй строке и, особенно, словосочетание «мировой культурой» в четвертой. Это словосочетание, вообще говоря, довольно распространенное и никакой цитатой не являющееся, в нашем случае почти наверняка восходит к определению акмеизма, сформулированному Осипом Мандельштамом: «Акмеизм – это была тоска по *мировой культуре*».¹ Мандельштамовское устное определение получило широкую известность совсем незадолго до того, как Бродский написал стихотворение «Одному тирану»: его привела в своих «Воспоминаниях», вышедших в Нью-Йорке, в 1971 году, Надежда Яковлевна Мандельштам.¹ Позднее Бродский процитирует это определение в статье о старшем поэте «Сын цивилизации» 1977 года: «Не то чтобы Мандельштам был “культурным” поэтом, он был скорее поэтом цивилизации и для цивилизации. Однажды, когда его попросили определить акмеизм – литературное движение, к которому он принадлежал, – он ответил: “*Тоска по мировой культуре*”».¹ Завсегдатай артистических кафе, страстный любитель рогаликов и кофе, Мандельштам был арестован и убит если не по личному указанию, то по произволу Сталина.

Впрочем, само описание посещений артистического кафе будущим тираном, развернутое в 7-ой – 8-ой строках стихотворения Бродского, способно привести читателя в нешуточное замешательство. Такое времяпрепровождение (как и страсть к картам), не входит в автобиографический миф ни Сталина, ни какого-либо другого деспотического

властителя. Лишь Ленин, судя по мемуарам Ильи Эренбурга, пребывая в эмиграции, посещал парижские кафе, но эти посещения носили сугубо эпизодический характер, да и предпочитал будущий вождь мирового пролетариата не кофе, а пиво: «Разве понимал официант кафе на авеню д'Орлеан, что о господине, который заказывает кружку пива, восемь лет спустя будет говорить весь мир?»¹

Правда, тот же Эренбург в первой редакции своего самого известного романа «Хулио Хуренито» так изобразил визит главного героя в сопровождении alter ego автора в Кремль, к некоему «важному коммунисту»: «Я не боялся ни пушек, ни пулеметов <...> и вдруг испугался добродушного дяди, который пять лет тому назад был в Париже моим соседом и пил “боки” в излюбленном мною кафе».¹ При этом имени «важного коммуниста» Эренбург, как и Бродский, не называет, подчеркивая только, что это был не Ленин и не Троцкий (действие разворачивается в 1918 году).

Отметив для себя явную нестыковку фигуры Сталина с декорациями богемного кафе, читатель с возрастающим интересом приступает ко второй строфе, надеясь найти там преодоление и/или объяснение возникшей неувязки.

2.

Но вторая строфа читательских недоумений отнюдь не рассеивает:

И время проглотило эту месть.
Теперь здесь людно, многие смеются,
Гремят пластинки. Но пред тем, как сесть
За столик, как-то тянет оглянуться.
Везде пластмасса, никель – все не то;
В пирожных привкус бромистого натра.
Порой, перед закрытьем, из театра
Он здесь бывает, но инкогнито.

Выясняется, что кафе, о котором шла речь в первой строфе до сих пор существует и посещается тираном, причем описывается оно как странный конгломерат советских и западных заведений подобного рода. «Гремят пластинки» (3-я строка второй строфы) для 1972 года – это явно о западном кафе; «в пирожных привкус бромистого натра» (6-я строка) – это, скорее, отечественная примета. Уж не подразумевается ли у Бродского кафе, хотя и в советской, но все же – Прибалтике, например, в Литве? Первым секретарем ЦК компартии

этой республики тогда продолжал оставаться «карликовый Сталин», Антанас Снечкус, в 1940 – 1941 годах отметившийся массовыми арестами и ссылками так называемых «буржуазных специалистов», «националистов» и других неугодных советской власти граждан.¹

Разумеется, Снечкус ни в какое вильнюсское кафе в 1972 году в галифе не заявлялся. К тому же в предпоследней строке второй строфы стихотворения вновь возникает мотив, провоцирующий внимательного читателя вспомнить о Сталине и его взаимоотношениях со знаковыми отечественными представителями «мировой культуры»: как все знают, «кремлевский горец» был регулярным посетителем спектакля «Дни Турбиных», поставленного Художественным театром по пьесе Михаила Булгакова. Напомним, что в проезде Художественного театра (Камергерском переулке) по соседству со зданием МХАТа долгие годы располагалось известное на всю Москву артистическое кафе.

3.

Зачин третьей, заключительной строфы стихотворения «Одному тирану» «сталинские» ассоциации еще усиливает:

Когда он входит, все они встают.
Одни – по службе, прочие – от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют.
Он пьет свой кофе – лучший, чем тогда,
и ест рогалик, примостившись в кресле,
столь вкусный, что и мертвые «о да!»
воскликнули бы, если бы воскресли.

В 3-ей – 4-ой строках этой строфы очень точно описан характерный и многократно зафиксированный в газетных отчетах жест вождя, успокаивающий истово и стоя аплодирующих людей: «Хватит уже, садитесь!»¹ Но, возможно, в четырех начальных строках третьей строфы содержится и намек на ревнивую реплику Сталина, якобы прозвучавшую после того, как в 1946 году, на вечере, посвященном 25-летию со дня смерти Блока, весь зрительный зал поднялся, приветствуя Анну Андреевну Ахматову: «Кто организовал вставание?» У Бродского лишь часть присутствующих поднимается «от счастья», остальные привычно встают «по службе»¹.

Но в последних четырех строках стихотворения «Одному тирану» никакие биографические противоречия и нестыковки, по-прежнему, не снимаются. Диктатор, наслаждающийся рогаликом с кофе, абсолютно лишен индивидуальных черт лица, следовательно, его жертвы, упомянутые в предпоследней строке, могут быть «мертвыми» из ГУЛАГа, так же как из Освенцима или, скажем, из франкистского Мадрида...

Подведем краткие итоги. Фантастическая, никогда не имевшая места в реальности ситуация, в которой оказывается в стихотворении Бродского «Одному тирану» вполне узнаваемый советский властитель,¹ превращает его в фигуру обобщенную и символическую.¹ Как писал сам поэт, рассматривая феномен сталинизма в эссе 1973 года «Размышления об исчадии ада»: «Когда речь идет о человеческих существах, вообще лучше уклоняться, елико возможно, от всяких обобщений, и если я это себе позволяю, то потому, что судьбы в то время были предельно обобщены».¹

По-видимому, именно поэтому Бродский отказывается от обращения к тирану в своем псевдопослании: какой смысл к нему взывать, если следующему властителю «и духовно, и в других отношениях» «предстоит стать точной копией покойника» (из эссе поэта «О тирании»)?

4) ЕЩЕ РАЗ О «РОЖДЕСТВЕНСКОМ РОМАНСЕ» ИОСИФА БРОДСКОГО¹

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,

и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
по желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красотка записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне средь шума городского
плывет в тоске необъяснимой,

как будто жизнь начнется снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

1962¹

В первой строфе этого стихотворения читателю задается загадка: о каком таком «кораблике» и одновременно «фонарике» идет речь? Напрашивающийся ответ — о луне — несколько раз подтверждается при чтении полного текста «Рождественского романса». Строка «пчелиный хор сомнамбул, пьяниц» (2-я строфа) провоцирует внимательного читателя вспомнить о *лунатиках*. Словосочетание «дворник круглолицый» (3-я строфа) иронически отсылает к хрестоматийному пушкинскому уподоблению круглого лица «глуп<ой> лун<е>» на «глупом небосклоне». А в строках «ночной пирог несет сочельник // над головою» (5-я строфа) легко опознать еще одно замаскированное изображение луны, особенно если обратиться к стихотворению Бродского 1964 года с «кулинарным» заглавием «*Ломтик медового месяца*». Приведем также строки из рождественского стихотворении Анны Ахматовой «Бежецк» (1921): «И серп поднебесный желтее, чем липовый мед».

Отметим, что тема *медового месяца*, восходящая к присутствующему за кадром стихотворения образу *луны*, активно разрабатывается в «Рождественском романсе». Так, эпитет «пчелиный» употреблен во второй строфе стихотворения Бродского отчасти как сходный по звучанию с эпитетом «печальный», отчасти — как продолжающий тему медового месяца. В предыдущей строфе «медовую» тему намечал образ «желтой розы»; в следующей появится «поезд *новобрачный*»; а в предпоследней строфе «Рождественского романса» встречаем метафору «мед огней вечерних». Картиной воображаемого свадебного пира («льется мед», «пахнет сладкою халвою») завершается 5-я строфа стихотворения, причем «сочельник», подобно официанту, «несет над головою» «ночной пирог» луны (ассоциацию подкрепляют предшествующие строки 5-ой строфы, где возникает образ белых перчаток официанта: «морозный ветер, бледный ветер // обтянет красные ладони»).

Почему тайной «героиней» рождественского стихотворения Бродского оказывается именно луна, а не напрашивающаяся звезда? Потому, что соседкой луны, плывущей в «Рождественском романсе» «среди кирпичного надсада» кремлевской стены является как раз звезда, но звезда не та, *не* рождественская звезда¹. Так луна оборачивается в стихотворении субтитутотом, двойником звезды.

Посредством намеков и недомолвок в предметный мир «Рождественского романса» вводится еще один образ — образ реки. Кажется весьма вероятным, что и на Замоскворечье поэт, не в последнюю очередь, остановил свой выбор потому, что этот район группируется вокруг реки и ей обязан своим именем. Кстати сказать, чтобы кратчайшим путем попасть из Александровского сада (описанного в 1-ой строфе) на Ордынку (куда уезжает такси во 2-ой строфе) необходимо пересечь Москву-реку через Большой москворецкий мост (в скобках отметим, что московский Александровский сад был разбит на месте заключенной в трубу реки Неглинки). Избегая прямых упоминаний о Москве-реке, поэт зато всю пользуется «речными» и «корабельными» образами. С «кораблика», который «плывет в тоске необъяснимой» стихотворение начинается. Мечтой о том, что «жизнь», подобно кораблю, «качнется вправо, // качнувшись влево», стихотворение завершается. В промежутке между этими двумя кораблями все в стихотворении тоже «плывет» (глагол, повторяющийся в 6-ти строфах 8 раз) или, как в пятой строфе, — «льется». «Пловцом печальным», «пловцом в несчастье» в финале «Рождественского романса» предстает сам «Новый год», плывущий «по темно-синей // волне».

При этом Москва-река у Бродского не более чем двойник другой, родной реки, как и Москва — не более чем двойник другой, «настоящей» столицы. Само посвящение «Рождественского романса» ленинградцу с именем *Евгений* (и «речной» фамилией *Рейн*)¹, вкупе с многочисленными «речными» мотивами стихотворения, возможно, отсылает читателя к классической петербургской поэме «Медный всадник». И уже совершенно очевидным кажется то обстоятельство, что ночная Москва, какой она предстает в стихотворении Бродского:

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц...

чрезвычайно напоминает Петербург, каким он описывался создателями так называемого «петербургского текста» — Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Андреем Белым... Почти прямой цитатой из Достоевского выглядит строка о «желтой лестнице печальной» из четвертой строфы «Рождественского романса»¹.

Но и этого мало. Вновь обратившись к начальным строкам нашего стихотворения, вспомним, что вплоть до 1918 года (и с конца 1991 года) «Александровским» именовался Адмиралтейский сад в центре Петербурга. Так что «кораблик негасимый», плывущий в стихотворении Бродского над кремлевской стеной Москвы — это не только луна, но и

позолоченный флюгер-«кораблик» на здании Главного Адмиралтейства (один из наиболее распространенных символов Петербурга (Ленинграда) — эмблема Ленфильма).

Две столицы в «Рождественском романсе» объединяются мотивом «полночного поезда новобрачного». Как подсказала нам Н.Б. Иванова, речь у Бродского идет о знаменитой «Красной стреле»¹, которая в полночь отправлялась в путь с Ленинградского вокзала в Москве и с Московского вокзала в Ленинграде — еще двух «закадровых» двойников «Рождественского романса».

Теперь, вооружившись некоторой, возможно, излишней, долей фантазии, попробуем восстановить биографическую основу фабулы «Рождественского романса». Ленинградский поэт встречает праздник в Москве, на Ордынке, может быть, у друзей — Ардовых. Выпив, он отправляется на улицу, чтобы протрезвиться и бредет к Александровскому саду через Большой Москворецкий мост¹. В глазах у него все плывет и двоится, сквозь новую старую столицу проступают черты старой новой, сквозь луну у стен кремля — адмиралтейский кораблик, он вспоминает, что сейчас в путь отправилась «Красная стрела», московские дома-«мертвецы» в его сознании соседствуют с петербургскими «особняками», современное «такси» пролетает мимо со старорежимными «седоками».

Главная причина всего этого зловещего двоения — следующая: в Советском Союзе празднование Рождества подменялось празднованием Нового года. Поэтому вместо Иосифа и Марии в стихотворении появляются их brutальные двойники — «любовник старый и красивый» и «красотка записная». А в финале «Рождественского романса» безнадежным «как будто» дважды сопровождаются строки, с помощью парафраз вводящие в стихотворение образ и тему Христа: Того, чья «жизнь начнется снова», Кто весь — «свет и слава», и Кто когда-то сделал так, чтобы у людей выдался «удачный день и вдоволь хлеба».